

Конец чудесной дружбы

Почему восторг левых по поводу Макрона никогда не был оправданным

Читайте также эту статью на немецком языке

В 2017 году немецкие социал-демократы были в большом восторге от кандидата на пост президента Франции Макрона. Личность этого политика, который ранее входил в правительство президента-социалиста Олланда, была прямо-таки окружена романтическим ореолом. В частности, Зигмар Габриэль и Мартин Шюльц не скрывали своей радости по поводу успехов Макрона накануне выборов во французский парламент.

Теперь наступило большое разочарование. Встал вопрос даже о разрыве отношений. Президент Макрон принял решение идти на выборы в Европарламент в 2019 году вместе со Свободной демократической партией Германии (СвДП) Кристиана Линднера в Альянсе либералов и демократов за Европу (АЛДЕ), выступая тем самым против социал-демократов и их Прогрессивного альянса социалистов и демократов (S&D). Как такое могло случиться? Не прошли испытание суровыми буднями? Или все это изначально было большим недоразумением? Однозначно второе – тут сомневаться не приходится. Та политика, которую Макрон поддерживает в качестве президента, имеет мало общего с социал-демократией, но много общего с экономическим либерализмом.

*Население Франции уже
познакомилось с
политикой Макрона и –
в отличие от ведущих
СМИ Германии – больше
не позволяет себе
очаровываться своим
президентом.*

Французские профсоюзы заранее отдавали себе отчет в том, какую угрозу для них представляет президент Макрон. Принятая на днях реформа рынка труда, его первый имиджевый проект, облегчает процедуру увольнения с работы, лимитирует компенсационные выплаты и усиливает роль работодателей в определении условий труда. В сфере налоговой политики Макрон воспринимается ныне большинством французов как «президент богачей» – это

следствие того, что он в конце 2017 года существенно снизил ставки налогов для предприятий и в значительной мере упразднил налог на имущество. Зато произошло сокращение пенсий – за счет увеличения социального налога, а Макрон отчитал пенсионеров, протестовавших против этого.

Да и монархический стиль политики новоизбранного президента (président jupitérien) имеет мало общего с классической скромностью выдающихся социал-демократических лидеров (за исключением гламурного канцлера Герхарда Шредера) – так было еще до скандала с его драчливым охранником. В любом случае тяга к самодемонстрации и упоению президентскими привилегиями резко снизили популярность Макрона в широких слоях французского общества – даже среди тех французов, которые еще не ощутили болезненных последствий его экономической и социальной политики. Так или иначе, рецепты Макрона до сих пор не демонстрируют позитивных эффектов в макроэкономической плоскости. Как раз наоборот – недавно французскому правительству пришлось существенно снизить собственный прогноз экономического роста на 2018 год. В частности, продолжается неукротимое падение промышленного производства во Франции на фоне увеличения дефицита торгового баланса.

Недавно Макрон столкнулся еще и с широким всенародным движением против своей налоговой политики. Так, 17 ноября более 2000 протестных демонстраций парализовали дорожное движение по всей Франции, вследствие чего один человек погиб, а сотни людей получили ранения. Поводом для протестов, к организации которых не имеют отношения ни политические партии, ни профсоюзы, стало повышение недавно введенного налога на бензин, что болезненно сказалось на гражданах, которые ежедневно пользуются общественным транспортом, а также на жителях сельской периферии, так как произошло сокращение сети регионального общественного транспорта. Как бы там ни было, но текущий рейтинг действующего президента находится на рекордно низком уровне – даже по сравнению с его непопулярным предшественником Олландом. Согласно последним прогнозам, партия Макрона накануне выборов в Европарламент уступает даже «Национальному объединению» Ле Пен. Население Франции уже познакомилось с политикой Макрона и – в отличие от ведущих СМИ Германии – больше не позволяет себе очаровываться пристрастием своего президента к красивым картинкам, елейным словам и

торжественным представлениям.

Как известно, любовь слепа. И тут, вероятно, можно разок-другой закрыть глаза на то или иное прегрешение перед социал-демократией. Но к текущему моменту на душе скопилось уже немало. Да и Эммануэль Макрон, став президентом, не в мгновение ока развернулся в сторону либерального курса. Его месторасположение в политической системе координат дало о себе знать уже давно – особенно в свете того, что он еще в 2009 году вышел из Социалистической партии Франции (СП) и, будучи министром экономики в правительстве Олланда, неуклонно следовал либерально-рыночному курсу, от которого сама СП была далеко не в восторге. Авторитарный стиль руководства, принятый в его партии «Вперед, Республика!», заметно отличается от привычной для СДПГ внутрипартийной демократии.

*В нынешней ситуации
реализация предложений
Макрона в отношении
общеевропейской
политики стала бы
первоочередным
подспорьем для
правопопулистских
партий*

Но общеевропейская политика Макрона имеет все же социально-демократический характер – такой контраргумент непременно выдвинет кто-нибудь из его почитателей, кто несмотря ни на что не желает окончательно хоронить свои надежды. Вроде как да, но при ближайшем рассмотрении действующий французский президент и тут предстает во всей своей малопривлекательной красе. До сего момента масштабные планы Макрона на уровне ЕС проявлялись в виде двух инициатив: военной политики и фискального усиления зоны евро. Главная суть его военно-политических предложений сводится к созданию европейской интервенционной армии (EI2) – с особым акцентом на интервенциях за пределами Европейского союза, под чем подразумевается прежде всего франкоговорящая Африка. Уменьшение нагрузки на французскую армию, которая крайне востребована в данном регионе, – вот ключевая цель данной инициативы. Даже если имеются предпосылки для одобрения такого рода позднеколониального проецирования своей мощи (хотя это откровенно не соответствует традиционному набору инструментов внешней политики социал-демократов), то по меньшей мере

никуда не деваются увесистые сомнения в эффективности такого подхода, чему способствуют, например, нынешние события в Мали. К тому же практически невозможно представить, чтобы в этом вопросе социал-демократы отошли от модели парламентской армии бундесвера и развернулись в сторону французской модели президентской армии.

Ключевые положения предложений Макрона по поводу усиления еврозоны сводятся к созданию общего бюджета еврозоны, а также к учреждению должности европейского министра финансов для контроля национальных бюджетов. Ныне в рядах немецких социал-демократов имеют место совершенно справедливые сомнения в том, что наращивание влияния через механизмы Европейского союза, в основе Конституции которого лежит принцип экономического либерализма, приведет к усилению социал-демократических элементов в экономической политике. Разумно ли для такой партии, как СДПГ, растрачивать свои силы на создание подобного европейского трансферного союза – это тоже большой вопрос. С одной стороны, вряд ли получится посостязаться с «зелеными» в широте солидарных жестов настолько успешно, чтобы для СДПГ хоть что-то обломилось от увлеченных Европой граждан из средних и высших академических слоев. А менее увлеченные Европой граждане из нижней части средних слоев и нижних слоев, у которых уже давно сложилось впечатление, что СДПГ обходит вниманием их личные интересы, и которые, как следствие, перед избирательными урнами отказываются сохранять верность этой партии, начинают еще больше укрепляться в своем решении, наблюдая подобную переориентацию.

Даже если в данное время остается неясным, какое из конкурирующих предложений в отношении фискальной поддержки еврозоны могло бы потенциально воплотиться в жизнь, то в дополнение ко всему становится уже очевидно, что объема этой поддержки – министр экономики Франции оценивает объем бюджета еврозоны в 20-25 млрд евро – ни при каких обстоятельствах не хватит для того, чтобы в кризисный период реально влиять на макроэкономическую погоду. Но это и не является задачей данных инициатив. Речь идет о том, чтобы обеспечить видимость успеха на уровне общеевропейской политики для правительств такого типа, как правительство Макрона, благодаря чему им станет легче реализовывать непопулярные шаги по внедрению экономики предложения на уровне внутренней политики; то есть речь идет о символической компенсации за интенсификацию либерализации

экономики.

Даже если с учетом всего этого есть настрой на усиление нового европейского трансферного союза, не стоит тешить себя иллюзиями по поводу его оборотной стороны. Тем более что история всех мер по спасению евро доказывает, что каждая фискальная инициатива стран-кредиторов одновременно влечет за собой интенсификацию политического муштрования (потенциальных) стран-реципиентов. И чем больше масштаб соответствующих поддерживающих мер, тем жестче протекает это муштрование. Пали жертвами иллюзий те социал-демократы, которые исходят из того, что о внедрении весомого бюджета еврозоны можно договариваться без привязки к принудительным мерам по стимулированию предложения. «Северный альянс», состоящий из восьми государств – членов ЕС, уже однозначно дал понять, что он отрицательно относится к подобного рода инициативам. В случае необходимости можно добиться смягчения их противодействия, если дополнительные средства будут сочетаться с весомыми правами вмешательства. А потому реализация предложений Макрона в текущей политической ситуации стала бы первоочередным подспорьем для правопопулистских партий, которые получили бы возможность мобилизовать свои силы как в странах-кредиторах (выступая против фискальных рисков), так и в странах-реципиентах (выступая против европейских требований).

Нет сомнений, что тесное немецко-французское сотрудничество имеет важное значение для дальнейшего развития Европейского союза. Но при этом стоит в большей мере говорить о разумном балансе интересов, а также о социальной, а не либерально-экономической направленности. Конечно, Макрон был явно предпочтительнее как будущий президент, если сравнивать его с Марин Ле Пен. Но романтическая идеализация Макрона в качестве светлого образа социал-демократии никогда не была оправданной. Этот любовный роман стал уделом прошлого.

Андреас Нёльке

Франкфурт

Д-р Андреас Нёльке (Andreas Nölke) с 2007 года является профессором политологии во Франкфуртском университете им. Гёте, специализирующийся на международных отношениях и международной политической экономии. Параллельно с консультационной деятельностью, где его клиентами были Германское общество по техническому сотрудничеству (GTZ), а также Европейская комиссия и Всемирный банк, Нёльке преподавал в университетах Лейпцига, Констанца, Утрехта и Амстердама. Он является одним из соучредителей книжной серии «Глобальная политическая экономия», в январе 2018 года вышла его книга «Левопопулярный – действовать с прицелом в будущее, а не думать с прицелом в прошлое».

